

А.Б.Зубов

ВОЗМОЖЕН ЛИ ПЕРЕХОД ОТ ПОСЛЕСОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА К ВОЗРОЖДЕННОЙ РОССИИ?¹

¹ Доклад, прочитанный на семинаре Института социальных исследований Варшавского университета «Роль культуры и истории в современной политической жизни Польши и России и их взаимоотношениях» (Варшава, 13 октября 2008 г.). Публикуется в авторской редакции.

Мало кто думал и среди политических мыслителей, и среди практиков, что крах коммунистической системы в восточной половине Европы произойдет столь стремительно в конце 1980-х годов. Так же как генералы обычно планируют уже закончившуюся войну, политики, несмотря на все доказательства обратного, которые дает им История, мыслят будущее как простое развертывание прошлого. События драматического пятилетия 1987—1991 гг. — яркий пример иной, катастрофической природы исторического процесса. От Эльбы до Тихого океана, от Адриатики до Памира и пустыни Гоби коммунистические режимы и поддерживавшая их идеология исчезли за эти пять лет. Но что наследовало им?

Когда к середине 1990-х годов улеглась пыль от рухнувшей политической конструкции, а народы бывшего коммунистического блока прошли первые мучительные этапы привыкания к новой жизни, внимательным наблюдателям стало ясно, что формы общественной жизни складываются на посткоммунистическом пространстве очень различно. В ряде стран общества решительно встали на путь воссоздания форм политической, культурной и хозяйственной жизни, отвергнутых когда-то коммунистами и при этом сходных с формами жизни некоммунистических европейских сообществ. К таким странам можно отнести Польшу, Восточную Германию, Чехию, Венгрию, Эстонию, Латвию, Литву и Румынию. В другой группе стран общества мечтали скорее о создании, а не о воссоздании демократической европейской государственности на своих территориях. К таковым можно отнести Российскую Федерацию, Словакию, Словению, Молдавию, Армению, Грузию, Болгарию, Хорватию и, с оговорками, Азербайджан, Монголию и Киргизию. К третьей группе относятся общества, которые разрушение коммунистического мира вовсе не восприняли как благо, не поняли его и желали укрыться в старые привычные формы. Это — Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркмения, Македония, Албания, малая Югославия. Особое место в этом списке занимают Украина и, до некоторой степени, Белоруссия: их западные части близки к первой группе стран; восточные, и более обширные, — к третьей.

Некоторые государства сразу же столкнулись с тяжелыми межэтническими конфликтами, искажившими их мировосприятие пролитием братской крови. Это Грузия, Армения, Азербайджан, Таджикистан,

Молдавия, Югославия (особенно Сербия и Хорватия) и отчасти Россия с ее затяжной Чеченской войной.

Та или иная позиция национальных сообществ в отношении коммунистического прошлого и демократического внешнего мира объясняется просто. Народы, которые все годы коммунистической диктатуры мечтали о возвращении в европейский мир, помнили (и, естественно, приукрашивали) свою былую жизнь в нем, считали коммунистический режим навязанным извне злом, национальным порабощением, восставали против него, сформировали первую совокупность посткоммунистических государств. Народы, забывшие свое докоммунистическое прошлое или не видевшие в нем бесспорно положительного идеала, но при том достаточно культурные, чтобы понимать преимущества свободного рынка в экономике, демократии в политике, либеральных свобод в гражданском обиходе, сформировали вторую группу. Оговорка в отношении ряда народов, относимых мной ко второй группе, обусловлена тем, что положительный идеал западной рыночной демократии переживался там только небольшой культурной элитой, в то время как большинство общества, так же как и общества третьей группы, полагало уклад жизни, сложившийся при коммунистическом режиме, естественным и единственно возможным.

К концу первого десятилетия XXI в. конфигурация посткоммунистического мира претерпела значительные изменения. Вся Восточная Европа, расположенная к западу от бывшего СССР, и, разумеется, страны Балтии избирают путь интеграции в западные структуры, который невозможен без приспособления их политической и экономической жизни к нормам Европейского Союза и НАТО. Особенно драматический на Балканах, этот выбор к настоящему времени, благодаря демократизации Сербии и ослаблению в ней великодержавной риторики, а также из-за провозглашения независимости Боснии, а потом и Косова, можно считать состоявшимся. Притягательность примера других восточноевропейских народов, ранее сделавших свой выбор в пользу интеграции с Западом, решила судьбы «порохового погреба Европы» — Балкан.

Повсюду в Восточной Европе такой выбор был сопряжен с целым рядом инструментальных государственно-политических изменений, хотя напрямую этих изменений и не требовал ни Европейский Союз, ни НАТО. Какие же это изменения? Во-первых, это признание коммунистического периода национальной государственности вполне или отчасти незаконным. Во-вторых, что следует из первого, действия коммунистического режима в отношении частных имуществ признаны повсюду или полностью не имеющими силы, или отчасти противозаконными, и потому восстановление имущественных прав, нарушенных коммунистами, повсюду в Восточной Европе — свершившийся факт. В-третьих, активное участие в деятельности коммунистического режима, особенно служба в политической полиции, повсюду в той или иной форме признана отягчающим биографию фактом, ведущим к ограничениям в области публичной политики. Архивы коммунистических спец-

служб открыты, списки агентов и сексотов и их деяния стали достоянием гласности. В-четвертых, концепция национальной истории и культуры решительно пересмотрена в сравнении с коммунистической эпохой. Борцы с коммунизмом стали национальными героями, а лица, утверждавшие и осуществлявшие в своих странах этот режим, — антигероями, часто — преступниками. Повсюду, от Македонии и Албании до Эстонии и Померании, прошла тотальная декоммунизация, подобная денацификации Германии и Австрии после 1945 г. Наконец, в-пятых, произошло восстановление гражданских и имущественных прав тех многих людей, которые были вынуждены покинуть свои страны из-за установления в них коммунистической тирании. В результате эти люди и их потомки возвращаются на родину и нередко занимают самые важные и ответственные должности как в политической, так и в экономической и культурной сферах национальной жизни, давая пример иной национальной ментальности, не искаженной вирусом приспособления к реалиям былой коммунистической жизни. Все это привело к решительной замене правившей в Восточной Европе до 1989 г. коммунистической элиты, кое-где еще переходившей в контрнаступление в 1990-е годы, элитой новой, некоммунистической и даже антикоммунистической. При всех естественных колебаниях общественно-политических настроений, отход от коммунистического строя жизни и интеграция в западное сообщество для всех этих стран может считаться состоявшимся фактом.

Совершенно иначе все последнее пятнадцатилетие проходили политические процессы на пространствах бывшего СССР. Одна за другой республики бывшего СССР возвращались к авторитаризму, а то и к тотальной тирании. Первой на этот путь встала Туркмения, в которой власть удержал в своих руках бывший глава республиканской компартии (с 1985 г.) Сапармурат Ниязов, вполне сознательно перекрасивший фасад «своего» государства из коммунистической деспотии в классическую восточную и присвоивший себе амбициозный титул «Туркменбаши» («Отец туркмен»). Вскоре за ней последовали Казахстан и Узбекистан, где власть сохранили первые секретари ЦК соответствующих советских республик — Нурсултан Назарбаев (с 1990 г.) и Ислам Каримов (с 1989 г.). Созданные ими режимы очень быстро отбросили демократические декорации и вернулись к жесткому авторитаризму и персональной диктатуре с явными попытками передать власть над страной по наследству детям. В Таджикистане и Азербайджане власти коммунистической номенклатуры был брошен вызов со стороны националистов и исламистов и несколько лет происходила борьба между старой и новой элитой. Но в обоих случаях победа осталась за коммунистами. В Азербайджане утвердился режим Гейдара Алиева, бывшего главы КГБ республики, а потом и первого секретаря ЦК Азербайджана. В 2003 г. власть над страной перешла к его сыну — Ильхаму Алиеву. В Таджикистане всей полнотой власти постепенно завладел партийный аппаратчик низшего звена, директор совхоза (1988—1992 г.) Эмомали

Рахмонов. Подобным же образом совершилось превращение демократической Белоруссии в тиранический режим «батьки» Лукашенко, тоже мелкого партаппаратчика и директора совхоза, который ностальгию по СССР отразил даже в изменении флага и герба подвластной ему страны на почти точные копии символов Белорусской ССР. Вплоть до Оранжевой революции на Украине (ноябрь 2004 г.) и «Революции роз» в Грузии (ноябрь 2003 г.) власть в этих странах также находилась в руках старой коммунистической номенклатуры в лице 2-го секретаря ЦК КПУ Леонида Кравчука, а после него — директора крупнейшего оборонного завода Леонида Кучмы (на Украине) и главы КГБ республики, впоследствии министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе (в Грузии). В Грузии при Шеварднадзе был установлен жесткий авторитарный режим. На Украине благодаря активному движению западноукраинских националистов сохранялись некоторые демократические и либеральные установления.

Но даже в тех странах послесоветского пространства, где партийная элита первоначально была существенно потеснена или вовсе устранена от власти (Киргизия, Армения и Российская Федерация), довольно быстро произошло восстановление авторитарных форм властвования и началось подавление гражданских свобод. Только на Украине и в Молдавии государственная власть все время после распада СССР формировалась в результате хотя бы относительно честных президентских и парламентских выборов. В остальных десяти послесоветских странах государственная власть удерживается захватившими ее людьми с помощью насилия и фальсификаций итогов голосования или же передается по воле уходящего лидера преемнику с теми же фальсификациями и насилием, которые цинично именуются на послесоветском пространстве «политическими и избирательными технологиями».

Повсюду фактическая отмена демократических и либеральных институтов происходила под популярными лозунгами восстановления порядка и управляемости государства, защиты прав неимущих, развития национальной культуры, но в действительности преследовала простую и вполне меркантильную цель — установление полного контроля над национальными ресурсами в интересах властвующей группы лиц и недопущение передела собственности «чужаками». Во всех 12 послесоветских странах к концу первого десятилетия XXI в. контраст между богатствами властвующей элиты и нищетой и социальной незащищенностью основной части граждан достиг ужасающих размеров.

В Российской Федерации свертывание гражданских прав и свобод началось вскоре после прихода в 2000 г. к власти Владимира Путина и вместе с ним верхушки КГБ СССР. В 2007—2008 гг. авторитарный режим узкой группы лиц, из которых примерно 80% связаны с тайной полицией коммунистического периода или службой, или теснейшим родством, принял уже совершенно явные формы насилия над волей граждан с принуждением к голосованию и фальсификациями выборов при полном контроле над средствами массовой информации.

Почему же пути из коммунизма для Восточной Европы и бывшего СССР оказались столь различными и каковы дальнейшие перспективы развития постсоветского пространства?

Думаю, что мы сразу же должны отвести этнические и конфессиональные аргументы. С западным миром сейчас успешно соединяются как славянские, так и неславянские страны (среди последних — восточная часть Германии, Венгрия, Албания, Румыния), как католические и евангелические по основному вероисповеданию, так и православные и мусульманские (православные — Болгария, Сербия, Черногория, Румыния, Македония; мусульманские — Косово, Босния). Это страны с очень несхожими культурами, входившие в недалеком прошлом в две разные цивилизации — западноевропейскую и передневозточную. Так же и на постсоветском пространстве есть страны славянские, тюркские, кавказские, иранские. Есть народы преимущественно православные или мусульманские, а также и те, где немало христиан-евангеликов (Украина) и католиков (Украина, Белоруссия). Скорее всего, традиционный культурно-исторический тип постсоветских народов, каким бы он ни был, в большой степени перекрыт, а то и почти полностью стерт именно советским временем. И в этом — их главная проблема.

Те народы, над которыми коммунистический режим правил дольше всего и свирепей всего, у которых историческая память была до основания уничтожена вместе с ее главным хранителем — национальной элитой, именно эти народы не имеют сил создать демократическую государственность, основанную на уважении к гражданскому достоинству личности. Дольше всего и свирепей всего коммунистический режим властвовал над нынешней Российской Федерацией, восточными и центральными частями Украины и Белоруссии, Приднестровьем (но не правобережной Молдовой), Арменией, Грузией, Азербайджаном, Казахстаном и государствами Центральной Азии. Именно в этих странах после более или менее долгих потрясений утвердились вновь старые советские элиты (за единственным исключением Украины, раздираемой и по сей день на западную и восточную) или, даже при смене элит (Грузия, Армения, Киргизия), советские методы авторитарного властвования. В этих странах не прошло декоммунизации. Не исполнено ни одно из тех пяти условий, которые открыли Восточной Европе путь в западное сообщество. Народы этих стран не помнят, накрепко забыли свое докоммунистическое прошлое. Носители исторической памяти повсюду в этих странах были безжалостно истреблены еще в 1920—1930-е годы. Истинная история была заменена мифом, вера в Бога — богоборчеством, оставлявшим души бесценностными и пустыми. В живых большевиками были оставлены или полные коллаборационисты, отрекшиеся от прошлого, даже от родителей, или совершенно невежественные люди из простонародья, которые жадно впитывали новую советскую «науку» и верили советской пропаганде. Жизнь при коммунистах этими выжившими воспринималась как единственно возможная, «нормальная». Иные отношения человека к человеку, власти к народу

и граждан к власти им просто совершенно неизвестны ни практически, ни даже теоретически. К тому же новая жизнь культивировалась большевиками с разной степенью жестокости, но одинаково настойчиво в течение трех поколений, семи десятилетий. К моменту крушения коммунистического режима в России практически не осталось людей, имевших в сознательном возрасте опыт докоммунистической жизни, тем более людей образованных и культурных. Никакой контрэлита в СССР не осталось (за исключением Прибалтики и Западной Украины). Поэтому восстановление преемства со старой Россией, Грузией, Арменией практически не обсуждалось и не понималось вне узких интеллектуальных групп. Единственный институт, который, казалось бы, перебрасывал мост из послекоммунистического в докоммунистическое прошлое, — религия, Церковь, и тот оказался во многом неэффективным. Религия была столь тщательно уничтожена в безбожные пятилетки 1920—1930-х годов, что, освобожденная в 1988 г., она воспроизводила в своих отношениях с обществом и внутри себя не столько старую российскую Церковь, сколько сталинско-хрущевский артефакт. От старого докоммунистического прошлого были взяты некоторые символы и имена — флаги, гербы, названия городов, но нигде — сущностные формы.

Там, где столь тотального уничтожения общества не было, где выжила контрэлита, где хранилась живая связь с докоммунистическим прошлым в умах и сердцах людей, помнивших и любивших его, где Церковь оставалась, как в Польше или Литве, внутренне не покоренной, а народ в большинстве своем — верующим и церковным, где, наконец, коммунистический режим воспринимался как навязанный извне, как антинациональный, там возрождение общества прошло сравнительно легко. Там же, где всего этого не было, дрогнувший было коммунистический авторитаризм быстро восстановил свою власть, подмяв граждан, забывших или вовсе не знавших, что такое быть свободными.

Нынешней российской элите дороги памятники Ленина и Дзержинского, мавзолей. Путин, придя к власти, первым делом восстановил старый советский гимн и мемориальную доску в честь своего шефа в КГБ Юрия Андропова на печально известном здании на Лубянке. Архивы советского периода остаются закрытыми, а порой и уничтожаются втихую, улицы носят имена Войкова и Кирова — страшных поделщиков Ленина и Сталина.

И все же нынешний политический режим Российской Федерации — это не советский, а послесоветский режим. Он уже не социалистический, а частнокапиталистический, хотя послесоветские элиты, тем более из офицеров КГБ, заниматься производительным бизнесом не умеют и учиться не хотят. Они предпочитают простые пути — продавать природные ресурсы, где какие есть (в России — нефть, газ, лес, в Армении — электроэнергию и медь и т.д.), а деньги делить между собой и обществом. Обществу столько, сколько надо, чтобы оно не возмущалось, — благо все привыкли к скудному советскому пайку, себе — все остальное. Поэтому, несмотря на колоссальные нефтяные прибыли

элиты, доход в триста долларов в месяц — большие деньги в российской провинции. В Средней Азии, Закавказье, на Украине нищета граждан еще более контрастирует с баснословными богатствами немногочисленных нуворишей.

Чтобы граждане не протестовали, чтобы конкуренты не вывели недовольных на улицы и не принудили власть имущих расстаться с властью и источниками богатства, элите нужен полный контроль над источниками информации и над политическим полем. Все это и достигается установлением «суверенной демократии», то есть, попросту говоря, диктатуры, и «информационной безопасности», то есть полным контролем над средствами массовой информации.

Коммунистическую идеологию сменил воинствующий национализм, эксклюзивизм, антизападничество, ксенофобия. На место классового врага — буржуя, офицера и попа — встал чужак. Православие из одной из ветвей христианства превращается волей и светских, и церковных правителей в национальную веру русского народа. Ненависть к иноверцам вполне сравнима во многих умах с ненавистью к инородцам. В этом послесоветская идеология напоминает скорее нацизм, чем коммунизм. Что же касается либеральных англосаксонских демократий, то их равно ненавидели и Сталин, и Гитлер. И тому и другому они ели глаза. Едят они глаза и нынешней российской элите.

И светские, и церковные власти утверждают уникальность «российской цивилизации» и — в целях «безопасности ее развития» — предлагают отгородить от всего мира. Это уже не похоже ни на нацизм, ни на коммунизм. Те были наступательными идеологиями. Новая русская идеология, наоборот, готовит народ к глухой обороне, воспитывает сознание «осажденной крепости», против которой плетет заговоры «мировая закулиса». И это понятно — изменились цели. Вместо власти над миром, которую, слава Богу, установить так и не удалось, — контроль над собственным домом и привольное в нем житье для тех, кто имеет власть, с использованием всех ресурсов, которыми дом располагает. А граждане должны молчать или хвалить и благодарить за то, что им падают кое-какие крохи с господского стола. Где на столе много, как в России, там падает больше, где стол скуднее, как в Таджикистане, там приходится гражданам, чтобы выжить, переползть к другому столу — российскому. Но для элиты всюду хватает и на яхты, и на дворцы, и на многомиллионные капиталы в западных банках.

Эта картина была бы вовсе безрадостной и вовсе тупиковой, если бы не ряд факторов, вселяющих надежду. Перечислю их.

Во-первых, большие богатства отдельных представителей элиты делают их менее зависимыми друг от друга и, соответственно, побуждают к борьбе за передел власти и денег. Слабейший в такой борьбе, как правило, обращается к обществу — раскол элиты часто дает шанс на восстановление институтов народовластия.

Во-вторых, переход к рыночной, пусть и сырьевой экономике требует экономической открытости страны. За пределами страны заключа-

ются сделки, за пределами страны размещается прибыль и приобретается недвижимость. Полное отсечение от развитых стран поэтому маловероятно. Его не поддержит сама элита.

В-третьих, за время, прошедшее после краха коммунизма, в постсоветских обществах выросло новое поколение, во многом уже иное, более открытое миру, имеющее опыт контактов с иностранцами, порой по несколько лет жившее за пределами бывшего СССР, владеющее навыками работы в Интернете. Оно хочет жить по-новому.

В-четвертых, возродилась религия, которая, при всех оговорках о ее политизации, все же воспитывает чувство собственного достоинства и верность нравственным идеалам. Есть немало священников и епископов, особенно из молодых, отдающих себя целиком строительству человеческих душ к Богу.

В-пятых, за два десятилетия рыночной экономики сложился средний и крупный бизнес не только в сфере продажи природных ресурсов, но и в производственной сфере. Для производства новых стоимостей требуются высокие профессиональные навыки, хорошее знание современной экономики и технологии. Как правило, в этой сфере преуспевают не выходцы из советской элиты, но сами себя сделавшие люди, часто бывшие научные сотрудники — математики, физики, биологи, экономисты. Эти материально вполне независимые люди заинтересованы совсем не в том, в чем заинтересована политическая элита. Им нужны открытые рынки, свободное соревнование труда и капитала, прямые отношения с властями, не отягощенные коррупционными «откатами». И потому им нужны гражданские свободы, местное самоуправление, демократические институты и включение страны в мировую систему — как хозяйственную, так и политическую. Для них идеал не красный Китай и не моджахедский Иран, но Германия, США и, конечно же, новые посткоммунистические демократии Восточной Европы, которые дают пример правильного выхода из тоталитарного прошлого.

Все эти факторы усиливает время. Нынешняя элита, тем более в условиях разрастающегося экономического кризиса, над ними не властна. Но в наших силах придать им большую глубину и органичность; и, самое главное, задача людей, связанных с образованием, — воспитать новое поколение в духе уважения к человеческому достоинству и терпимости к иному, в умении отличать ложь от правды и зло от добра. Все эти высокие ценности были и еще остаются вне духовного поля народов, переживших семь десятилетий тоталитаризма и два десятилетия посткоммунистического прозябания. Научить им, возродить их — значит возродить на постсоветском пространстве национальные общества — российское, украинское, армянское, таджикское и иные, когда-то раздавленные коммунизмом, — и ввести их в семью народов, старающихся строить свою обновленную жизнь на высоких принципах политического народовластия, гражданской свободы и нравственной ответственности.